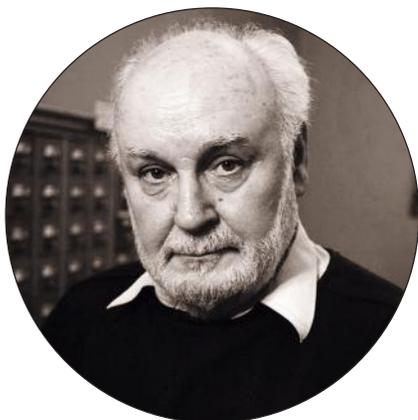

КИТАЙСКАЯ И ЯПОНСКАЯ МОДЕЛИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

CHINESE AND JAPANESE MODELS OF TRADITIONAL SOCIETY

© 2020 **Олег Ефимович Непомнин**

Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; o.e.nepomnin@mes.su

Oleg E. Nepomnin

DSc (History), Professor, Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; o.e.nepomnin@mes.su

От редакции: Публикация предложенной статьи была задумана как небольшой подарок Олегу Ефимовичу Непомнину в честь его восьмидесятипятилетнего юбилея. К огромному сожалению, Олег Ефимович не увидит этот журнал — этой осенью его не стало. Редакция «ВК» выражает глубокие соболезнования родным, близким и коллегам Олега Ефимовича. Мы помним его как выдающегося ученого, благородного, порядочного и скромного человека, настоящего учителя. Продолжая общетеоретические темы, поднятые в предыдущей публикации [Непомнин, 2019], представленная статья, основанная на сравнительно-историческом методе, анализирует две азиатские модели традиционных обществ: китайскую и японскую. С помощью различных примеров из социально-экономической и политической жизни двух

стран автор демонстрирует кардинальное различие исторической эволюции Китая и Японии. В то время как в Китае прочно закрепился восточный феодализм, Япония еще в Средние века перешла на рельсы западноевропейской модели, строившейся на праве частной собственности и личностной цивилизации. Статья подчеркивает уникальность японской модели, так как ни в одной из стран Востока подобной общественной системы не возникало.

Ключевые слова: формации, Восток и Запад, коллективизм и индивидуализм, восточный деспотизм, китайский и японский тип феодализма, типология азиатских обществ

Для цитирования: Непомнин О. Е. Китайская и японская модели традиционного общества. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 3–4. С. 51–68. DOI: 10.18254/S268684310012376-1

Editorial: The publication of this article was conceived as a small gift to Prof. Oleg E. Nepomnin for his 85th birthday. To our great regret, Oleg Efimovich will not see this issue — this fall he passed away. The OC editorial staff expresses sincere condolences to the relatives, friends and colleagues of Prof. Nepomnin. We will remember him as an outstanding scholar, noble, decent and humble person, a real teacher. Following the previous publication [Nepomnin, 2019] the article examines two Asian models of traditional societies: Chinese and Japanese, by using a comparative historical method. Referring to various examples from the socio-economic and political life of two countries, the author demonstrates the fundamental difference in the historical

evolution of China and Japan. While Eastern feudalism was firmly established in China, Japan already in the Middle Ages switched to the Western European model, based on the right of private property and civilization of personality. The article emphasizes the uniqueness of the Japanese model since such a social system did not evolve in any Eastern country.

Key words: formations, East and West, collectivism and individualism, Asian despotism, Chinese and Japanese types of feudalism, typology of Asian societies

For citation: Oleg E. Nepomnin Chinese and Japanese Models of Traditional Society. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 3–4. Pp. 51–68. DOI: 10.18254/S268684310012376-1

ФАКТОР МОРСКОГО ПРИБОЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОД ЭВОЛЮЦИИ

Особую роль в формировании исторических судеб двух стран — Китая и Японии играл географический фактор. Так, он создал различные варианты демографической ситуации. Море ограничивало Китай только с востока, а с трех других сторон света «фактор морского прибоя» не действовал. В этих направлениях в течение многих столетий избыточное ханьское население неуклонно переселялось на земли соседних этносов. Ханьцы закреплялись на их территориях, либо вытесняя, либо ассимилируя аборигенов. Переселенцы поднимали целину и тем самым постоянно расширяли границы Китая и его пахотную площадь. Так сложился во многом экстенсивный вариант решения демографической и продовольственной проблем. При этом этническая экспансия и колонизация неханьских районов сочеталась в Китае с интенсификацией сельского хозяйства, оказавшейся недостаточной для приостановки безудержной демографической экспансии вширь — на юг, запад и север. В противовес этому окруженная со всех сторон морем Япония была лишена такой возможности. «Фактор морского прибоя» ограничивал японский этнос рамками архипелага. Этниче-

ская экспансия на северо-восток — земли народности *айну* — играла заметную роль, напоминая китайское колонизационное продвижение на материке. Поэтому географический фактор вынуждал японцев пойти не только на интенсификацию сельского хозяйства и развитие морского промысла, но и со временем на ограничение демографического потенциала. Если национальные устремления китайцев из века в век в значительной мере направлялись вовне, на новые территории, то все усилия японской нации концентрировались внутри архипелага [Непомнин, Иванов, 2010, с. 258].

История Китая очень рано приняла характер периодической смены династийно-демографических циклов. Каждый из них включал в себя четыре фазы: восстановление, расцвет, кризис и катастрофа. В первой фазе страна ликвидировала предыдущую хозяйственную разруху. Фаза расцвета создавала максимум гармонии данной системы. Резкое повышение демографического давления на пахотную площадь порождало фазу кризиса. Социальное и экономическое равновесие рушилось, а на его смену приходила стадия катастрофы. Здесь происходили либо крестьянские войны, либо нашествия кочевников и завоевания Китая «северными варварами». Последняя фаза цикла оставляла после себя тя-

желейшую хозяйственную разруху, выход из которой происходил в рамках первой фазы нового цикла, шедшего по такому же типовому сценарию. В итоге Китай, войдя в стадию развитого феодализма, надолго увяз и безнадежно «забуксовал» в русле циклического движения. По сути, это было топтание на холостом ходу в рамках пологой спирали восхождения от одного цикла к другому. Поэтому вся история Среднего государства в понимании традиционного китайца представляла собой периодическую смену «порядка» и «расцвета» «хаосом» и «упадком». Чередование этих позитивных и негативных начал создавало представление об истории как постоянном повторении пройденного, а точнее — типичного сценария [Непомнин, 2011, с. 9–10; Непомнин, 2019].

Суть этого типа эволюции заключалась в периодическом снятии в фазе очередной катастрофы экономических, социальных и политических противоречий, накопленных в рамках данного цикла. Такого рода регулярный «выпуск пара из котла» предохранял всю систему от слома, не позволяя накапливать критическую массу кризисного потенциала, требовавшую перехода к новой стадии, к другой системе или к иной формации. В китайской модели общественные кризисы могли быть только циклическими, но не стадийными, системными, а тем более формационными. Благодаря этому система становилась саморегулирующейся и самодостаточной, тем самым становясь «вечной», ибо не создавала предпосылок для смены чем-то другим. В историческом плане такого рода циклическое «движение» означало комплексный застой общества. Циклический вариант исторического бытия Китая создавал периодическое чередование поступательного движения, его резкого торможения и откатов назад (**инволюции**). Из этого порочного круга Китай самостоятельно вырваться не мог. Между тем силы, способные сломать этот механизм изнутри, не возникали, ибо данная модель феодализма исключала их появление. Международное общение также не давало Китаю преобразовательных импульсов извне. Его

окуждали либо малые «дочерние» страны того же кода эволюции и той же цивилизации (Корея, Вьетнам), либо отсталые этносы — кочевые (Монголия) и горные (Тибет, неханьские народности Юго-Запада).

Изолированная морем Япония также не получала преобразовательных импульсов, однако это компенсировалось наличием внутреннего механизма саморазвития, порожденного переходом Японии на рельсы иной, нежели Китай, модели феодализма. На счастье японского общества здесь не сложился механизм циклической эволюции. Его отсутствие позволило Японии избежать стагнации китайского типа в русле постоянной смены стандартных циклов с типовыми фазами. Отсутствие этого бесконечного движения по спирали открыло Японии возможность пойти иным путем. Движение в русле поступательной эволюции позволило японскому обществу не уткнуться в тупик, а двинуться вперед — к регулярной смене внутрiformационных стадий и к выходу на рубеж формационного кризиса. Как и страны Западной Европы Япония знала все «преlestи» средневековья и феодализма: политическую раздробленность и междоусобные войны. Однако все это происходило по «западному сценарию», т. е. без вхождения в спираль циклической стагнации. Хотя в Японии бывали периоды разрухи и регрессивных откатов, в итоге там возобладали общественная эволюция без инволюции [Непомнин, Иванов, 2010, с. 259].

При отсутствии циклического механизма обновления японский вариант не снимал накапливавшуюся социально-экономическую напряженность, а наоборот аккумулировал ее. Кризисный потенциал толкал общество к поступательной смене форм и стадий феодализма — к восходящему развитию западноевропейского типа. В Японии накапливание кризисных явлений служило двигателем не хождения по китайскому циклическому «кругу», а довольно успешного перехода от низших стадий феодализма к высшим и, наконец, к формационному кризису. После феодальных междоусобиц в Японии было покончено со средневековой раздробленностью и

наступил период централизации. В итоге японское средневековье прошло через три стадии: ранний (VII–XI вв.), развитой (XII–XVII вв.) и поздний феодализм (XVII – середина XIX в.), в то время как Китай «застрял» на второй стадии и в третью так и не вступил. Историческое «соревнование» линейного варианта Японии с циклическим в Китае в общих чертах выглядело следующим образом. С созданием первой государственности (V–VI в. н.э.) Япония отстала от Китая (XVIII–XVII вв. до н.э.) более чем на две тысячи лет. При вступлении в стадию раннего феодализма Страна восходящего солнца (VII в.) уже отставала от Среднего государства (III в.) всего примерно на четыре столетия. С переходом обеих стран к стадии развитого феодализма (Китай — VII в., Япония — XII в.) отставание составило около пятисот лет. При этом материковый гигант надолго «забуксовал» в русле периодических откатов назад, так и не вступив к началу XX в. в стадию позднего феодализма. Не зная циклических откатов Япония уже в XVII в. вошла в эту третью стадию. Тем самым островная страна уже на исходе средневековья опередила материковую примерно на три столетия. Причем историческое отставание от своей заморской соседки для Китая стало постоянным фактором. Все это лишний раз подтвердило преимущество западного линейного типа развития над восточным циклическим [Непомнин, Иванов, 2010, с. 257].

Китай и Япония резко отличались друг от друга по внутренней структуре — по составу ее компонентов. Китай XVII в. представлял собой разнородную величину в этническом (ханьцы, монголы, маньчжуры, тибетцы, хуэй, народности Юго-Запада), религиозном (конфуцианство, буддизм, ламаизм, ислам, шаманизм), экономическом плане (земледельческое население, кочевники, горцы). Та же разнородность наблюдалась в административном отношении (собственно Китай — национальные окраины с особым территориальным статусом и административным делением). В противовес Китаю Япония (даже при наличии *айну* на Хоккайдо)

по трем из четырех указанных выше позиций (религиозный пласт является исключением) оставалась однородным целым. Таким образом, Китай являл собой гетерогенную, а Япония — гомогенную систему. В структурном отношении Китай представлял собой дуалистическую модель «центр — окраины», или «ядро — периферия». При этом наблюдался резкий разрыв между «ядром» и «периферией» по этническому, религиозному, экономическому и административному признакам. Отсталая инациональная «периферия» тянула собственно китайское «ядро» назад. В противовес этому Япония такого рода конгломератностью не страдала. Страна восходящего солнца выступала целостной монолитной системой без столь жесткого деления на «ядро» и «периферию» и сильно тянувшего назад груза отсталости «периферии». В отличие от гетерогенного Китая Япония не знала и противостояний «земледельческая зона — кочевой мир», «коренной этнос — варварское окружение». Несмотря на проблему айнов и наличие различных хозяйственных зон, Япония как гомогенная структура скорее являлась страной западного типа, нежели восточного мира.

Столь же различно под влиянием географического фактора складывались взаимоотношения этих двух стран с соседними этносами и государствами. Китай извечно соседствовал с миром степей и оставался открытым для периодических нашествий с севера и запада. Это были вторжения и завоевания тангутов, киданей, чжурчженей, монголов и маньчжуров. Всякое такое нашествие и покорение Среднего государства отсталыми этносами отбрасывало страну к хозяйственной разрухе и социальной деструкции, к частичному возврату уже пройденных стадий. Не одну тысячу лет Китай находился в этой системе «земледельческие народы — кочевники». В отличие от Китая, море надежно защищало земледельческую Японию от кочевников, гарантировало отсутствие трагических разрушений и отбрасывания общества назад. Огражденная со всех сторон морем Япония находилась в идеальных условиях: практически никогда нога завое-

вателя не ступала на землю Ямато. Страна восходящего солнца не знала попятного движения и катаклизмов, вызванных внешним врагом [Непомнин, Иванов, 2010, с. 259; Benedict, 2005].

Не знала средневековая Япония и другой исторической напасти — крестьянских войн, тогда как Китай являлся ареной такого рода катаклизмов, возникающих в русле циклического механизма традиционного общества. Крестьянские войны захватывали огромные территории, вовлекали в свое русло миллионы повстанцев и оставляли после себя хозяйственную разруху, но вместе с тем и оздоровление системы в рамках циклической эволюции. Средневековая Япония, в отличие от Китая, не порождала крестьянских войн такого рода и масштаба и знала лишь локальные и мелкие крестьянские восстания. В этом плане Страна восходящего солнца также шла в русле западноевропейского феодализма и линейного развития.

Различия в общественном строе двух стран обозначились очень рано. Китай уже в древности стал ярким примером азиатской деспотии [Непомнин, Позднеева, Степугина, 2019]. С наступлением средневековья он быстро обрел типичные черты бюрократической модели государственности. Базируясь на слиянии воедино двух амальгам: «власть — собственность» и «класс — государство», Срединная империя стала зоной господства верховной собственности государства на землю и всевластия чиновного класса-сословия, превратившись в эталон восточной деспотии бюрократического типа и классическое воплощение государственной модели феодализма. В Японии окончательное становление государственности и классового общества проходило в рамках китайской модели. Последняя активно насаждалась «сверху» центральной властью с середины VII в. за счет перенесения из Китая основ централизованного государства с опорой на бюрократию. Следуя китайскому образцу, в Японии насаждались непосредственное правление императорского дома, верховная собственность государства на все земли, надельная система землевладения, разветвленный бюрократический аппарат и формирование

чиновного сословия с подготовкой его кадров в особых учебных заведениях. Наряду с созданием ранжированного чиновничества и иерархической структуры вертикального административно-территориального управления вводились регулярные вооруженные силы на основе воинской повинности, законодательство китайского толка и господство иероглифической письменности. Тем самым Япония переводилась в русло государственного или восточного феодализма с режимом азиатской деспотии. Однако этот «эксперимент» вскоре столкнулся со спецификой собственно японского кода исторической эволюции: под влиянием японской специфики уже с IX в. началась эрозия, а затем и распад китайской модели. Именно в уходе от нее и переходе к другой модели заключался парадокс «японского исторического чуда» XI–XII вв.

КИТАЙСКАЯ АГРАРНАЯ АМАЛЬГАМА И ЯПОНСКИЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ ОЛИГАРХ ТОКУГАВА

К началу XVII в. в Китае государство выступало монопольным собственником всех земель в стране. Его подданным были оставлены лишь статус владельца земли или возможность ее держания (аренда) [Непомнин, 1974]. Иерархия земельных прав в Китае выглядела следующим образом: «верховная собственность — владение патронимий — владение большой семьи — владение малой (нуклеарной) семьи — индивидуальное держание (аренда)». В этой системе четыре горизонта из пяти базировались не на индивидуальном, а на коллективном принципе «класс — государство — большая общность — средняя общность — малая общность». В Китае прочно господствовало коллективное или корпоративное (групповое) начало, в то время как права индивида возникали лишь на самом нижнем горизонте системы — на «этаже» держания или аренды. В Китае частные феодалы-помещики, т. е. непривилегированные рентополучатели оказались под гнетом монопольной собственности государства на все земли в стране, в итоге так и не обретя статуса частных собственников. Оставшись на более низкой сту-

пени имущественных прав, они оказались на положении всего лишь владельцев земли. При всем том верховная собственность государства на все земли в Китае издревле оказалась спаянной с верховной властью императора [Непомнин, 1980, с. 13; Needham, 1969, р. 196].

В Японии таких амальгам не существовало. Верховная власть и земельная собственность здесь во многом оказались разделенными. По-иному строилась и японская система земельных прав: собственности, владения и держания. Здесь отсутствовало доминирующее и гнетущее положение верховной собственности азиатской деспотии, и вместо этого господствовали частные статусы князя, самурая и крестьянина [Benedict, 2005]. Тем самым японская модель строилась не на коллективных, а на индивидуальных началах, не на безличностном (групповом, корпоративном), а на личностном принципе. Поскольку в Стране восходящего солнца верховная собственность, а тем более ее монополия, отсутствовали, практически все земли (за исключением более чем скромного сектора императорских, или дворцовых владений) попадали под нормы частных наследственных правоотношений феодального толка [Непомнин, Иванов, 2010, с. 264].

В Китае господство азиатской деспотии и феномена «власть — собственность» раскололи на две части не только среду феодалов, но и само крестьянство. Вместо единого класса земледельцев в Китае сложилось «два крестьянства»: податное и частнозависимое. Первое состояло из владельцев мелких и мельчайших участков земли. Их напрямую эксплуатировала казна через налоги, подати и трудовую повинность. «Второе крестьянство» сложилось из держателей земли частных феодалов — рентополучателей. Это были арендаторы помещичьих полей. В итоге китайская деспотия в лице бюрократического «класса-государства» напрямую господствовала над примерно половиной крестьянства. Его вторая половина эксплуатировалась частными арендодателями-рентополучателями. Над этим «вторым крестьянством» государство господствовало опосредованно — через головы поме-

щиков [Непомнин, 2005, с. 247]. Япония не знала такого деления крестьянства на два различных класса. Практически все земледельцы здесь работали на своего господина или на верховного правителя — *сёгуна* или князя, т. е. находились в системе частнофеодальной эксплуатации.

Формирование крупной феодальной частной собственности на землю стало специфической Японией периода развитого феодализма. Сначала повсюду возникали крупные поместья (*сёэн*), затем на их базе сложились обширные феодальные сеньории — княжества (*хан*), вскоре превратившиеся в центры экономической и культурной жизни страны. Частная феодальная земельная собственность сеньориального типа сочеталась здесь с мелким землепользованием крестьян на правах наследственных держателей земли. Переход от поместья к княжеству являлся переходом от среднего феодального владения к крупной собственности. Укрепление последней создало экономическую базу для формирования княжеств. Последние стали основой политико-административного устройства Японии. При этом крупнейший земельный собственник — сёгун оказался фактическим сюзереном остальных князей и сувереном всей страны. Так почти три четверти земельного фонда Японии оказались не в собственности государства, а в руках крупных и крупнейших феодальных домов (*даймё*), что привело к победе частного начала над казенным. Строгий порядок наследования и право первородства укрепляли частное личностное начало, близкое к западным стандартам, в том числе — к майорату [Needham, 1969].

В итоге в XVI в. для господствующего класса Японии основой земельных правоотношений стала феодальная собственность вотчинного типа. При этом наследственные родовые владения даймё облекались статусом полусамостоятельного или автономного княжества. Над ними возвышался сёгунат Токугава (1603–1867), занимавший с начала XVII в. вершину феодальной иерархической пирамиды. Клан Токугава являлся крупнейшим земельным собственни-

ком, а его глава — всеяпонским сюзереном. Однако сёгуны этой династии не были носителями обычной для традиционного Востока верховной собственности на все земли. В Китае единственным собственником выступала сама азиатская деспотия. Все же остальные субъекты права (помещики, крестьяне, купцы, ростовщики) оставались всего лишь в ранге либо владельцев, либо держателей земли, т. е. носителей имущественных прав второго или третьего сорта.

Сёгунат Токугава фактически оформлял экономическое и политическое господство крупных земельных собственников — самого сёгуна и князей. Если собственниками земли выступали сёгун и князья, то остальные самураи, связанные с землей, в правовом и имущественном плане оказались на порядок ниже этих «верхов». Часть средних и мелких феодалов (*буси*) в качестве вассалов получали от своих сюзеренов поместья, феодалы или лены (*кюё, тигё*). Князья давали их своим самураям (*ханси, госи*), а сёгун — своим (*хатамото, гокэнин, госи*). Такие пожалования представляли собой условное феодальное владение. Земли этих самураев, равно как и крестьян, специальными указами запрещалось продавать и покупать. Тем самым даже владельческий статус этих самурайских земель оказался жестко урезан, и продавались они только тайно. Остальные вассалы вместо земельных владений получали рисовый паек.

Земли податных крестьян (*хомбьякусё*) являлись их наследственным держанием с выплатой земельной ренты. При этом прямая зависимость крестьянина от получателя ренты отсутствовала. Тем не менее земледельцы не имели права покидать свои участки, т. е. были прикреплены к земле. Князю было выгодно способствовать социально-экономическому развитию своего княжества и охранять неприкосновенность крестьянских земельных держаний. Произвол же, особенно налоговый, грозил выступлением крестьян в виде подачи петиций и восстаний. Такой вариант мог повлечь за собой обвинение князя в «плохом управлении», вмешательство сёгуна в дела даймё и принятие мер — вплоть до ото-

брация княжества. Поэтому князь и его вассалы, сёгун и его вассалы старались не доводить дело до острого конфликта с крестьянами.

До XVII в. японское крестьянство в Японии пользовалось сравнительно большой свободой. В ходе междоусобных войн феодалы обязывали крестьян нести воинскую службу в самурайских дружинах в качестве пехотинцев. С течением времени меч стал атрибутом многих сельских хижин. У таких пеших воинов по отношению к князю возникало подобие феодального вассалитета, отдаленно похожего на самурайское служение. Иногда богатые крестьяне становились самураями. Вооруженное крестьянство стало настолько опасным, что в конце XVI в. такую пехоту в массовом порядке пришлось разоружить («охота за мечами»). Если в Китае земля помещика или крестьянина после смерти отца поровну делилась между всеми его сыновьями, то в Японии всю землю княжества, поместья или крестьянского двора наследовал старший сын покойного. Младшие сыновья в Японии не обладали наследственным правом на землю, утвердив по сути западноевропейскую систему наследования, не допускавшую дробления земельных владений, как это практиковалось в Китае.

БЮРОКРАТЫ И ВОИНЫ; КУЛЬТ МЕЧА И КУЛЬТ КИСТИ

Столь же радикально отличались политические надстройки этих двух стран. Китайская деспотия служила типичным примером административно-командной системы. Последняя строилась по унитарному принципу бюрократического соподчинения: наместничество, провинция, область, округ, приставство, уезд. В каждой территориальной единице всем командовала чиновная управа (*ямэнь*), набитая бюрократией и ее подручными: секретарями, писцами, низшим персоналом и солдатами. Иерархия этих управ — от ставки наместника до ямэня начальника уезда — служила «дополнением» к чиновной табели о рангах. Это было царство бюрократии, где ключевыми звеньями служили уезд и провинция.

В номенклатурном плане вся эта административная иерархия выглядела следующим образом: императорский наместник — губернатор провинции — начальник области — глава округа — управляющий приставством — начальник уезда. Данная чиновная пирамида возглавлялась придворными сановниками и чиновниками центрального, т. е. столичного аппарата. Всю систему венчали аристократические семьи, князья из императорской родни и сам владыка «драконового трона» — Сын Неба. По сути дела, в Китае император венчал собой бюрократический класс, был главой «класса-государства», т. е. являлся первым и высшим чиновником Среднего государства [Непомнин, Иванов, 2010, с. 267].

Резервуаром, откуда черпались кадры бюрократии, служило «ученное сословие» (*ши, шэньши*). Будучи привилегированным, оно стояло над тремя другими рядовыми сословиями простолудинов: земледельцев (*нун*), ремесленников (*гун*) и торговцев (*шан*). Дабы войти в среду шэньши, следовало получить через экзамены или за деньги одну из трех ученых степеней (*шэньюань*, или *сюцай*; *цзюйжэнь*; *цзиньши*). Первая являлась низшей, вторая средней и третья — высшей. Обладание одной из двух последних давало право на занятие чиновной должности, уровень которой зависел от ученой степени. Низкие должности получала и привилегированная часть *сюцаев* [Elman, 2000]. Вся бюрократия Китая делилась на ранжированное и вне ранговое чиновничество. Для всех слоев, составлявших бюрократический «класс-государство», было характерно обилие внутренних градаций [Ho Ping-ti, 1980]. Так во главе Китая сложилась руководящая и разветвленная иерархия «людей государства». Это была целостная система **ненаследственных бюрократических рангов и должностей с последовательным подчинением и постоянной ротацией кадров.**

В отличие от Китая, в средневековой Японии очень рано стала сказываться тенденция к приватизации, т. е. к возрастанию роли и значения частного владения при слабости власти центра. Само государственное начало оказалось не столь

прочным, как в Китае. Император царствовал, но не управлял Японией. Вокруг него не сложилось конфуцианской элиты и особенно чиновников-администраторов по китайскому образцу. Не привилась здесь и система регулярного воспроизводства бюрократии на базе системы конкурсных экзаменов. За неимением налаженной системы воспроизводства чиновников оказалась неэффективной сама система бюрократии по китайскому эталону. Этот вакуум заполнили местные знатные дома, захватившие и почти наследственно удерживавшие важнейшие посты в территориальной администрации. Каждый сильный владетельный аристократ становился хозяином в своей местности. Процессы приватизации власти на местах и земельных владений шли рука об руку [Непомнин, Иванов, 2010, с. 268].

В средневековой Японии сложился антипод китайской модели — японская модель феодализма. Дабы предотвратить уход крестьян от владельцев поместий (*сээн*) началось феодальное прикрепление крестьян к земле. Создавались отряды профессиональных воинов-дружинников: сначала для войн с *айну* и междоусобиц, а потом и для борьбы с восставшими крестьянами. Эти воины-профессионалы с течением времени стали сословием самураев-рыцарей японского средневековья. Вскоре самураи превратились в грозное орудие крупных землевладельцев в их ожесточенной междоусобной борьбе за власть. Уже с XI–XII вв. власть имущие в Японии и вся ее система администрации опирались на преданных своим сеньорам и сюзеренам рыцарей-самураев, находившихся в зависимости от знатных домов.

В противовес Китаю, в Японии упрочилась вничинная, т. е. частнофеодальная жесткая иерархия наследственных аристократических и дворянских титулов и категорий. Сложилась система вассалитета рядовых дворян по отношению к князьям, менее знатных семей по отношению к своим сеньорам. В отличие от государственной бюрократии Китая, все самураи — от князей до разорившихся *ронин*ов — составляли не только военно-дворянское сословие (*буси, си*), но и класс «частных» феодалов. Это воен-

ное дворянство со своей аристократией (*букэ*) и с «центром» (ставкой *сёгуна* в Эдо) было отделено от придворной аристократии (*кугэ*) и императорского двора в Киото. Император (*тэнно*) и *кугэ* являлись «обломками» несостоявшейся в Японии государственности китайского типа. Эти рудименты китайской модели на японской земле владели жалкое существование. О периоде Токугава К. Маркс писал: «Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками» [Маркс, 1930, с. 575, прим. 192].

В китайской модели власть (в лице бюрократического класса азиатской деспотии) и землевладение (в лице помещиков) оставались разъединенными по двум сословиям (*ши*, *нун*) и по двум различным классам («государственных» и «частных» феодалов). В японской же модели и власть, и землевладение соединились в руках дворянства (*букэ*, *буси*) частнофеодального толка. В итоге в Китае не сложился единый класс феодалов: мощь азиатской деспотии расколола его на две части, первую из которых составили «государственные феодалы», т. е. правящая бюрократия, а вторую — «частные феодалы», т. е. внечиновые помещики. Первая стала господствующим и правящим классом, вторая же оказалась лишенным политической власти эксплуататорским классом землевладельцев — рентополучателей, т. е. социальной силой «второго сорта». В Японии из-за отсутствия восточной деспотии такого разделения не произошло. Здесь господствующий класс остался единым в рамках военно-феодального сословия самураев [Непомнин, Иванов, 2010, с. 271; Benedict, 2005].

Приниженности частного начала и ущербности китайских феодалов-помещиков Япония противопоставила неоспоримое господство частнофеодального потенциала, носителями которого стали не только владетельные князья, но и первый среди них, т. е. сёгун. Его функции, при-

рода, прерогативы, компетенция и статус в чем-то очень напоминали положение западноевропейских средневековых монархов. Такого рода уклон в сторону частного феодального начала довольно рано — с VIII в. — привел к власти череду сменявших друг друга знатных и сильных домов Сога, Фудзивара, Тайра, Минамото, Ходзё, Асикага и Токугава. Поначалу их лидеры именовались «регентами» или «канцлерами», а затем приняли титул «главнокомандующего», или «военного правителя» (*сёгун*). Так сложились последовательно сменявшие друг друга три сёгунские династии: Минамото (1192–1333), Асикага (1333–1576) и Токугава (1603–1867). В известной мере сёгуны были наиболее крупными и сильными феодальными князьями, имевшими верховную власть над остальными. В результате сложилась двухъярусная структура: «суверен и его непосредственные вассалы — сюзерены и их собственные вассалы», т. е. «сёгун — его самураи-даймё — их самураи». Все это напоминало европейскую структуру: «король — сеньоры — рыцари». Верхний уровень поддерживался снизу системой феодальных держаний, жалований и вассальной зависимости рядовых дворян — самураев. Рыцарское служение последних базировалось на их сословном статусе и на княжеской земельной собственности, из которой черпались и самурайские поместья, и самурайский рисовый паек. Тем самым в Японии именно земельная собственность (князей и *сёгуна*) служила источником власти.

Здесь же рождалась и асимметрия властных кадров двух этих моделей. В Китае штатская (гражданская) бюрократия полностью господствовала над военными чиновниками и офицерами. Приниженное положение армейских кадров, их подчинение аппаратной номенклатуре жестко укоренились в конфуцианской системе. В Японии же лидирующее положение занимали именно военные в лице всего сословия самураев-воинов (*си*) и класса военного дворянства (*букэ*, *буси*). Управленческие кадры почти целиком рекрутировалась из самураев-рыцарей. В их же руках находились все «штатские» должности. Чисто штатское чиновничество существовало

лишь при дворе императора, в рядах аристократии (*кузэ*), и не имело реального веса в делах. В Японии воины-самураи были господствующим сословием, а оружейники — носителями почетной профессии, ибо здесь существовал «культ меча». В Китае же всем верховодили чиновники. Здесь издавна сложился «культ кисти» для письма. Солдаты-китайцы и оружейники находились внизу сословной лестницы, принадлежат к внесословному «подлому люду» и к лицам «низких профессий». Военная служба не считалась почетной. Престижными являлись лишь бюрократическая карьера и ученые занятия, т. е. книжная схоластика. Китайская поговорка гласила: «Из хорошего железа не делают гвоздей, хороший человек не идет в солдаты» [Непомнин, Иванов, 2010, с. 273].

Типологическое противостояние Китая и Японии определялось различием между чиновной деспотией во главе с сакральной фигурой (Сын Неба) и королевской по своей сути властью сёгуна, лишённого какой-либо священной благодати. В конечном счете это было различием между властью азиатского и западноевропейского типа [MacNair, 1938]. В отличие от монархов Китая и Японии сёгун не был августейшей особой. Основатель каждой очередной сёгунской династии происходил не из императорского рода, а из наиболее могущественных князей. В качестве сёгуна этот владетельный «частный» феодал оставался «сверхкнязем», «супердаймё» и правителем Японии. Прежде всего это был «военный правитель», «великий полководец-покоритель варваров» (*сэйи тайсёгун*), «великий правитель» (*тайкун*). Власть этого «сверхдаймё» и «суперкнязя» по своему типу была сродни королевской в Западной Европе и резко отличалась от императорского статуса Сына Неба в Китае.

Будучи по сути таким же даймё, как и остальные князья, сёгун не имел права облагать налогом «собратьев» по классу. Однако в силу вассальных принципов даймё периодически преподносили этому «суперкнязю» и верховному суверену «дары» в виде золотых и серебряных монет. Земельные владения династии Токугава обладали

противоречивой природой. Как принадлежащие самому крупному и сильному княжескому дому они были его частной собственностью. Как владения правителей страны они служили «королевским доменом» Японии, т. е. претендовали на статус государственной собственности. При этом номинальная власть императора обеспечивала идеологическое единство не только класса феодалов, всех его группировок — от придворной знати в Киото (*кузэ*) до разорившегося самурая (*ронин*), но и единство всего общества.

При династии Токугава существовала система «бакуфу-хан». Первое слагаемое этой дихотомии представляло собой госаппарат и владения сёгуна, а второе — княжества, коих насчитывалось от 200 до 260. В итоге сложилась «сёгунско-княжеская» структура (*баку-хан*). Княжества находились под внешним контролем сёгуна и подчинялись ему, в том числе и через систему заложничества. Между тем фундаментом верховной власти в Японии служили именно феодальные княжества. Если Китай представлял собой централизованное и унитарное государство восточной деспотии, то Япония трансформировалась в бинарную систему. Здесь централизация (в лице сёгуната) уравновешивала децентрализацию (в лице княжеств) как равновеликое начало частнофеодальной системы. Такого рода «сёгунско-княжеская» государственность строилась не на коллективно-деспотических принципах, а на основе индивидуальных, частных прав князей и отношений этих полусамостоятельных феодалов с их главой. Даймё как наследственные правители были полными хозяевами в пределах своих княжеств, правда, под надзором сёгуна. Основной земельный фонд Японии был закреплен за князьями в качестве их личной собственности. Княжество являлось самоуправляющейся хозяйственной и административной единицей. Даймё имел право суда и реальной власти над всеми своими подданными в пределах своего княжества. В его распоряжении находились укрепленные замки, самурайские дружины, приамковские города и рынки. Князь непосредственно управлял своими вооруженными вассалами.

лами, а через своих назначенцев — крестьянами. С них он получал «налоги» (натуральную ренту — оброк) и требовал выполнения гужевой и трудовой повинности — своего рода барщины.

В Китае во главе административно-территориальной единицы стоял чиновник. Обычно он сменялся каждые три года и переводился чаще всего на ту же должность или с повышением, но в другую провинцию. Даймё же владел своим княжеством всю жизнь и передавал его по наследству старшему сыну. Управляющий данной территорией (провинция, область, округ, уезд) **китайский чиновник не был лично заинтересован в процветании данной ему «в кормление» административной единицы.** Зная, что через три года его обязательно переведут на службу в другую провинцию, такой бюрократ относился к населению хищнически. Ему надо было поскорее набить карманы утаенной частью собранных налогов, набрать побольше взяток и удачно отчитаться перед вышестоящим начальством. В этом заключался весь его личный интерес, оторванный от нужд, интересов и перспектив населения. Иначе обстояло дело в Японии, где княжество оставалось наследственным достоянием семьи даймё. Сила, богатство и престиж князя напрямую зависели от процветания его владений. **Даймё был лично заинтересован в экономическом, социальном и военном развитии своей вотчины,** благосостояние которой напрямую «работало» на «карман» даймё. Княжество являлось его личным и постоянным «делом», своего рода «предприятием». От даймё требовалось быть рачительным хозяином в своем доходном и развивающемся «поместье» большого масштаба. Так разительно отличалось решение проблемы личной заинтересованности в условиях «частного» феодализма в Японии от незаинтересованности очередного, постоянно сменяемого чиновника в системе «государственного» феодализма в Китае [Непомнин, Иванов, 2010, с. 275].

Страна восходящего солнца базировалась на наследственном дворянстве (*буси*). Это военно-феодалное сословие самураев, своего рода

«**дворянство меча**», несло вассальную службу своим сеньорам — сёгуну и даймё. Мощью военного дворянства подавлялось и сопротивление вооруженного крестьянства, имевшего право носить оружие вплоть до конца XVI в. И сёгун, и каждый князь имели свою администрацию из числа дворян и войско или дружину из самураев. Каждый из этих рыцарей в свою очередь имел от сеньора либо пожалованный земельный надел с хорошим доходом, либо натуральное содержание. В силу этого вооруженные вассалы были готовы сражаться за сюзерена не на жизнь, а на смерть. В итоге сложилась многоступенчатая феодальная иерархия: у сёгуна имелась своя «пирамида» вассалов. Последняя выглядела так: князья, родственные дому Токугава (*камон даймё*) — князья-союзники и приверженцы Токугава (*фудай даймё*) — непосредственные вассалы сёгуна двух уровней. Так же строилась вассальная зависимость самураев от недавних противников Токугава (*тодзама даймё*, т. е. «сторонние князья»). Все дворяне, служившие либо сёгуну, либо князю получали от своих сюзеренов либо землю в кормление, либо рисовый паек. И наконец в самом низу этой пирамиды находились разоренные самураи (*ронин*), утратившие либо землю, либо рисовый паек.

ИМПЕРИЯ ВИНТИКОВ И ОСТРОВА ГОРДЕЦОВ

Китайские бюрократы служили системе, т. е. государству, и на всех уровнях системы оставались «людьми канцелярии». Это была связь «аппарат — функционер», «канцелярия — чиновник». Здесь господствовало аппаратное безличностное начало — сумма «винтиков». На этой основе строился коллективный принцип организации «верховой корпорации», или «главного коллектива», т. е. государства. Любой «винтик» этой машины от столичного сановника до писаря в уездной управе являлся «рабом восточной деспотии», лишенным личностного начала. Как типичная среда азиатской деспотии бюрократия Китая культивировала холуйство перед начальством, хамство и произвол по отношению к простолую-

динам. К этому добавлялись казнокрадство, взяточничество, карьеризм, nepотизм, оказание протекции «своим людям» или за мзду. Здесь царили покорность, лицемерие, трусость и приоритет шкурнических интересов. В этой среде чинуш и чинодралов взаимное подсиживание и интриги были обычным явлением. **В бюрократическом Китае не способности и таланты, а близость к верхам, интриги и пресмыкательство открывали дорогу к успешной карьере.** Сановники такого сорта не могли вывести страну на новые рубежи [MacNair, 1938; Ho Ping-ti, 1980].

Если символом господства штатской бюрократии в Китае служила кисть, то эмблемой военного дворянства в Японии был изогнутый самурайский меч. В противовес китайскому чиновнику — «чернильной душе» и «канцелярской крысе» — японский самурай являл собой совершенно иной социальный тип. Будучи воином, рыцарем и дворянином, он был личностью и индивидом. Его служба князю или сёгуну строилась на личностной основе — по сути на принципе западноевропейского вассалитета. Самурай был вассалом своего сеньора, или сюзерена (даймё), а тот в свою очередь — вассалом другого сюзерена, или суверена (сёгун). В этой системе личной зависимости каждый из участников имел соответствующие обязательства к другому как индивид к индивиду. **Самурай, в отличие от китайского чиновника, являлся личностью и служил другой личности.** Такого рода вассалитет представлял собой межличностные и по сути договорные отношения. Последние строились на взаимных правах и обязанностях, с учетом интересов и обязательств каждой из сторон на основе норм, выработанных феодальной традицией. Японские самурай-рыцари демонстрировали верность долгу, отвагу, преданность князю, гордость, жестокость по отношению к врагу, презрение к смерти, стремление к личной воинской славе и приоритет долга над чувством. Все это должно было сочетаться со скромностью, сдержанностью, самообладанием и самоконтролем [Benedict, 2005].

Самурай свято соблюдал морально-этический кодекс чести — «**путь воина**» (*бусидо*). Этот свод норм поведения японского рыцаря включал

в себя прежде всего принцип вассальной верности сюзерену, вплоть до безусловной готовности отдать за него жизнь. Над таким дворянином довлела боязнь позора. В случае поражения в бою, угрозы плена или бесчестия, самурай должен был покончить с собой через вспарывание живота (*сэппуку*, *харакири*), по возможности следуя при этом определенному ритуалу. Самурайство было сильно представлениями о долге и чести. Помимо безграничной преданности сюзерену и верности вассальному долгу японского рыцаря отличали воинственность, мужественность, готовность к самопожертвованию, способность по первому же зову вступить в бой за сёгуна или князя. Такого японского «рыцаря без страха и упрека» отличали чувство собственного достоинства, отвага, стойкость и жестокость в бою. Самураю были присущи особая физическая, военная и интеллектуальная подготовка, а также воинский профессионализм. В бою один такой рыцарь стоил десяти китайских солдат. У самураев личная преданность и личная ответственность сочетались с мужеством, верностью своему долгу и осознанием достоинства воина-рыцаря [Лещенко, 2010, с. 213]. Оскорбление чести смывалось кровью обидчика. В противном случае реализовался культ самоубийства во имя спасения чести и искупления невыполненного долга. Уже в школе сыновья самураев обучались искусству вспарывания живота мечом; в самурайских семьях девочек учили закаляться кинжалом. Готовность к самопожертвованию, фанатическая преданность сюзерену сочетались с философией фатализма. Эта среда выступала носителем ярко выраженного личностного начала и принципа самоценности данного индивида, где восхвалялись военные подвиги, смелость, решительность и верность. Культ воинской чести обусловил недопустимость плена, считавшегося позором. Вспарывание живота служило гарантией избежания позора, спасения чести самурая и репутации его фамилии. Японское дворянство было средой гордых и мужественных личностей, знающих себе цену индивидов. Никакая другая страна Востока не смогла

породить такого сословия рыцарей — «дальнюю родню» западноевропейского дворянства. При всем том самурай был абсолютным антиподом китайского чиновника-карьериста, стяжателя и трусливого низкопоклонника [Непомнин, Иванов, 2010, с. 277–278].

В Китае издавна город был жестко придавлен всей мощью азиатской деспотии, по сути являясь ее местным «центром» или «ставкой» бюрократического «класса-государства». В качестве контраста этому служило наличие в Японии нескольких независимых от феодальных властей, т. е. самоуправляющихся городов: Осака, Нагасаки, Сакаи и Хаката. Эти республики имели свои войска, крепостные стены и башни. Однако и их «вольница» ограничивалась действиями сёгунских чиновников, а в XVII в. была ликвидирована. Тем не менее неуклонно усиливались мощь и роль торгового и ростовщического капитала в делах сёгунско-княжеской системы [Лещенко, 1984, с. 26]. В обстановке укрепления частной собственности росли богатство и влияние верхов торгового сословия (сё). Через их руки проходило все золото и серебро Японии. Князья и самураи увязали в долгах купечеству. Редко кто из даймё или из рядовых дворян не брал у них займы крупных сумм. Самураи продавали им свои квитанции на получение рисового пайка. Как мелкие, так и крупные князья гнули спины перед купцами в надежде на денежную ссуду. О силе такой зависимости сложилась поговорка: «Гнев купцов Осака может вызвать ужас в сердцах даймё». В Китае подобной картины не наблюдалось. Более того, Среднее государство так и не поднялось до стадии монетарного обращения золота и серебра. Там драгоценные металлы обращались в примитивной форме — в виде слитков и отливок, т. е. шли на вес [Rozman, 1973].

СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ ВВЕРХ (КИТАЙ) И ВНИЗ (ЯПОНИЯ)

Коренным образом отличались друг от друга и типы социальной мобильности внутри обеих

стран. Китайская модель была «открытой», т. е. любой богач мог войти в состав привилегированного сословия *шэньши*, а затем и в ряды «класса-государства». Для этого деньги можно было «конвертировать» сначала в ученую степень, а затем в чиновную должность, в том числе номинальную. Тем самым помещик, купец, ростовщик и предприниматель-мануфактурист за деньги могли из низших сословий перейти в «благородное» сословие (*ши*) и в ряды «государственных феодалов» — чиновников. Так богатый простолюдин входил в среду китайской деспотии. Это был наилучший и самый престижный вариант вертикальной социальной мобильности. В этом плане китайская деспотия действовала по принципу магазина, куда можно войти и купить по средствам. Правда, простолюдин здесь мог приобрести далеко не все: к «товарам» высшего уровня его не подпускали. Тем не менее он мог весьма комфортно устроиться в нижних и даже средних этажах системы, т. е. стать «человеком государства» — компонентом самой деспотии. Для этого был открыт и более престижный путь наверх — через экзамены для получения ученой степени, а затем и чиновной должности. Богач мог «победить» на экзаменах за крупную взятку экзаменаторам. Через экзамены или за деньги в привилегированную среду переходили люди из сословий земледельцев (*нун*), ремесленников (*гун*) и торговцев (*шан*). Таков был путь наверх, т. е. вариант восходящей сословной мобильности и престижной карьеры. Тем самым вместо движения, например, купца к статусу предпринимателя и буржуа имело место хождение по кругу традиционности [Ho Ping-ti, 1980].

Таким способом деспотия «перекачивала» в свою сферу верхушку «частников», аккумулируя их богатство, инициативу и честолюбие. Государство укрепляло себя и ослабляло оппозицию в сфере торговли, кредита и предпринимательства. В итоге размывался потенциал будущей буржуазной эволюции богатых простолюдинов и закрывалась дорога к новой формации. Благодаря восходящей сословной мобильности

китайская модель направляла потенциал формационного будущего в русло феодализма и традиционности — восходящая мобильность оборачивалась движением вспять: либо топтанием на месте, либо откатом назад. Это был путь не к капитализму, а, наоборот, к избеганию его. Фактически это был тупиковый и регрессивный вариант социальной мобильности, регулярно обессиливавший предбуржуазную среду. Наиболее активные и честолюбивые богатеи из нее постоянно изымались и переманивались в лоно бюрократического феодализма. Этот вариант сословной и социальной мобильности постоянно питал «свежей кровью» и укреплял среду *шэньши* и китайскую деспотию. Лучшие силы «экономических» сословий, их богатство, энергия и талант уходили в сферу бюрократического класса. В итоге китайская деспотия регулярно перекачивала в свои ряды наиболее активную часть предпринимательской среды. Остальная масса последней как бы обезглавливалась и обескровливалась, а ее социальное развитие по восходящей пресекалось [Социальная структура Китая... 1990].

В XVII–XVIII вв. японская модель отличалась от китайской, ибо стала «закрытой». **В Японии на деньги простолюдина — купца, ростовщика, помещика — нельзя было купить звание самурая, занять место в дворянском сословии (*си*).** Богачу-простолюдину нельзя было сделать карьеру «в верхах», например, занять место в княжеской, а тем более сёгунской администрации. Восходящая сословная мобильность для богатого простолюдина оказывалась невозможной. Ему оставалось весь «капитал» — деньги, талант, честолюбие и трудолюбие — направлять на развитие своего «дела» (семейная фирма, магазин, лавка, контора, предприятие). Тем самым ему открывалась лишь горизонтальная мобильность в рамках своего сословия, к укреплению и процветанию собственного бизнеса. Сословие самураев (*си*) с конца XVIII в. уже допускало в дворянскую среду богатых простолюдинов из низких сословий (*но*, *ко*, *сё*). В XIX в. за деньги простолюдины получали должности и самурай-

ский ранг. Тем не менее элита последних не обескровливалась переходом «наверх», а сохраняла и усиливала свой экономический и социальный потенциал [Непомнин, Иванов, 2010, с. 280].

В Японии богатство, энергия, талант, честолюбие и капиталы купцов, ростовщиков и торговцев оставались в сфере экономики и продолжали «работать» в русле предпринимательства, укрепляя не только городскую предпринимательскую среду, но и ее предбуржуазную и раннекапиталистическую перспективу. Восходящая сословная мобильность оборачивалась восходящей социально-экономической мобильностью. Это было движением не назад — в феодализм, а вперед — к буржуазной эволюции и капитализму. **Если китайская система работала как «отсасывающий насос», то японская — как «нагнетающий насос».** Китайский вариант предотвращал подготовку к смене формации, а японский работал на такую смену.

Китайский *шэньши* — представитель «ученого» сословия (*ши*), лишившись своих «благородных» доходов (от должности, от ученой степени, от землевладения), считал ниже своего достоинства заниматься делами «низких» сословий: торговлей, ремеслом и обработкой земли. Предпочитая бедствовать, жить на подачки родни и клана, он не мог «унизиться» до занятий «простонародья» [Elman, 2000]. В Японии самурай, потерявший сословные, т. е. дворянские доходы, начинал заниматься не только разбоем и рэкетом, но и ремеслом, торговлей, предпринимательством и делами «свободных профессий». В Японии такая сословная мобильность становилась нисходящей. Это был путь из самураев (*си*) и земледельцев (*но*) в ремесленники (*ко*) и торговцы (*сё*). Такое сползание вниз оборачивалось в исторической перспективе движением в направлении буржуазного предпринимательства. Этот регрессивный вариант социальной мобильности и поступательной эволюции укреплял и расширял протобуржуазную среду и раннекапиталистическое развитие, одновременно ослабляя самурайское сословие, класс феодалов и средневековую систему. Это было движение из прошлого в бу-

дущее, из феодализма в капитализм. В Японии предбуржуа становились дворянами, а самураи превращались в предпринимателей. Отложив в сторону рыцарские мечи и щелканье костяшками на купеческих счетах, они закладывали основы будущих капиталистических компаний. Так, основатели знаменитых торгово-предпринимательских домов *Мицую*, *Коноикэ* и *Сумитомо* вышли из среды самураев [Лещенко, 1992; Лещенко, 2009; Лещенко, 2010]. Практика исторического развития продемонстрировала обреченность китайского варианта (снизу — вверх) и перспективность японского варианта сословной мобильности (сверху — вниз).

Личность и коллектив от «нуклеарной семьи» до императора

Как известно, общество Западной Европы на первый план выдвигало человека — как личность, как индивида. Китайский же социум превыше всего ставил коллективное начало. Прежде всего это были семья, патронимия (клан) и государство. Семья и клан считались основой единства государства. Приоритет внутрисемейной и клановой дисциплины выдвигал на первый план кровнородственные отношения. Именно коллективное начало цементировало традиционное китайское общество не только в деревне, но и в городах. Здесь за человека все решали землячество и цехогильдия. Низовой социальной единицей в Китае служил не индивид, а семья. Каждый ее член без колебаний отказывался от личных целей и личной свободы во имя интересов этого низового коллектива. Одновременно человек нес ответственность за всех остальных членов семьи, ибо она охватывалась своего рода круговой порукой. Китаец фактически становился совершеннолетним только после смерти отца, обладавшим абсолютной властью над своими сыновьями, какого бы возраста они ни достигли. Даже женатые и имевшие собственные семьи сыновья не смели даже думать о выходе из-под власти родителя. Отделиться и завести собственное хозяйство

сын мог только лишь с отцовского согласия. Сыновья и жены не могли иметь собственного имущества, отдельного от отцовской и мужниной семьи. Все приобретенное ими передавалось главе семьи. Заработанные на стороне деньги сыновья обязательно пересылали родителям. Наиболее обезличенными оставались женщины, не имевшие никаких прав на семейное имущество. За невестой в приданное никогда не давалась земля. Наследницей женщина могла стать лишь при отсутствии в роду живого мужчины. Муж мог продать своих жен и наложниц, передать их другому человеку — временно или навсегда. В основе коллективного начала лежало как бы «верховное владение» землей и всем движимым имуществом со стороны семьи и клана. Коллективный принцип здесь стоял выше власти главы таких общностей. Главы этих ячеек могли сохранять свои прерогативы только при соблюдении общих интересов. Лишь подчиняясь групповой дисциплине и коллективным устоям, такой лидер сохранял свою цементирующую роль и выполнял свои властные функции. В свою очередь, все рядовые члены коллектива обязаны были отвечать на такую «заботу» о них абсолютными покорностью и лояльностью [Социальная структура Китая... 1990].

Судьба человека в Китае зависела не от него самого, а от главы коллектива, или корпорации. Над китайцем стоял глава нуклеарной (малой) семьи, над ней — глава большой семьи, над ней — глава патронимии (клана). Господство коллектива оборачивалось властью его главы. После смерти такого лидера его прерогативы переходили к его старшему сыну от старшей жены. Такое «монархическое» наследование власти цементировало данный коллектив и укрепляло корпоративное безличностное начало внутри каждой из трех указанных выше общностей. При всем том патронимия (клан) выступала в роли суда первой инстанции. Именно глава клана отвечал перед государством за поведение своих подопечных. Рядовые члены семьи или клана должны были

беспрекословно подчиняться своим лидерам, демонстрировать им свое уважение, преданность и покорность, а также в этом же духе воспитывать своих детей и внуков. Взаимные требования как «сверху», так и «снизу» цементировали семью и клан как «ядро» коллективистского социума, как одну из основ деспотии. Те же принципы действовали и на более высоких горизонтах. В лице главы семьи и клана сосредотачивалось универсальное начало создания государства. Механизм построения и управления низовыми коллективами служил увековечиванию господства бюрократического класса, ибо деспотия здесь действовала не только «сверху вниз», но и «снизу вверх». Отец — глава семьи считался своего рода «представителем императора», а нарушение семейной дисциплины рассматривалось как расшатывание устоев государственности [Непомнин, Иванов, 2010, с. 282–283].

Господство отца семейства и главы клана передавалось всей системой по восходящей линии и замыкалось на власти императора. Китай считался единой «большой семьей», а Сын Неба выступал ее «отцом». Императрица считалась «матерью» государства. Монарх здесь служил концентрированным выражением и завершением семейного, кланового и всякого иного коллективного начала. На уровне «драконового трона» семейная и государственная коллективность соединялись в одном лице. В итоге Китай стал коллективистской цивилизацией, где корпорации (семья, клан, землячество, гильдия, цех, тайное общество и государство) полностью подавили личность. Индивид оказался поглощенным коллективом и как личность не играл заметной роли, а интересы отдельного человека не принимались в расчет. Любовь как таковая игнорировалась, ибо считалась неприличной. Молодые люди вообще не должны были встречаться. При женитьбе и замужестве их личные чувства не принимались во внимание. Вместо этого происходило насильственное соединение молодых в результате сделки глав двух семей.

Если в Китае на первом месте стоял коллектив и верховная общность — государство, то в

Японии на авансцену общества вышли индивид и личностное начало. Япония избежала превращения в зону господства азиатской деспотии. Японский социум не стал средой «поголовного рабства» подданных восточной деспотии. Тем самым открывалась дорога к формированию не коллективистской, а личностной цивилизации. Преобладание частного начала над государственным, в свою очередь, способствовало становлению индивида как субъекта общественной эволюции. В Японии в конце концов возобладала малая (нуклеарная) семья. Над частными делами крестьянина сохранялось давление большой семьи и патронимии (клана), но оно не было столь мощным как это было в Китае. В итоге индивидуальное начало стало крепнуть и на самом нижнем горизонте социальной иерархии.

В отличие от Китая, в средневековой Японии постепенно и подспудно вызревали основы личностной цивилизации: складывались представления о частной собственности, о личных правах, о личной ответственности человека за себя самого, о его праве на свободный выбор. В русле этого постепенно закладывались основы личной суверенности и индивидуальных прав, ценность личности как таковой, частноправовые отношения. **Укреплению личностного начала содействовало распространение чань-буддизма (дзэн-буддизм) и аватаризма (амидизма).** Последний укреплял личную ответственность и индивидуальность человека в противовес тотальному коллективизму и раздвоенности индивида в Китае. В итоге в Японии не сложилось господства коллектива над личностью, а интересы отдельно взятого человека не подавлялись корпоративным началом так грубо, как в Китае. Здесь не существовало придавленности человека гнетом чужеземных завоевателей, например, маньчжуров, как это произошло в Китае. Японцы остались независимым и гордым этносом — суммой суверенных личностей. Приоритет индивидуальности и личностного начала содействовал поступательной эволюции японского общества. Как личностная цивилизация японское общество превосходило китайское

по уровню грамотности, степени ее массовости, по густоте сети разного рода школ и училищ. Причем в Японии обучались в школах не только мальчики (как в Китае), но и девочки. Кроме того, в Стране восходящего солнца быстро развивались книгопечатное, библиотечное и книготорговое дело. В противовес китайскому элитарному образованию (10–15 % населения) Япония взяла курс на массовое обучение молодежи — грамотным стало до половины населения [Лещенко, 2010, с. 211].

Если Запад сложился под знаком христианства и законности, то Китай жил под эгидой социального этикета и социальной этики неоконфуцианства как воплощения семейного и кланового начала, т. е. корпоративной дисциплины. Конфуцианство стремилось превратить все общество, все государство в один единый высший коллектив — всекитайскую семью, всекитайский клан с единой коллективной моралью. В Китае конфуцианство полностью довлело над человеком, помогая деспотии воспитывать стандартного подданного, подчиненного коллективу. В Японии такого жесткого господства конфуцианства не было. К пришедшему из другой страны учению Кун-цзы японцы относились несколько отстраненно и избирательно, выбирая из доктрины лишь то, что им подходило. Японцы не позволили неоконфуцианству (*чжусианство*) полностью взять верх над родным синтоизмом [Каткова, Чудодеев, 1995, с. 21]. Конфуцианство здесь не смогло «скрутить» личность, подчинить ее коллективу, повернуть ее лицом в прошлое. Синтоизм противостоял косному воздействию конфуцианства на человека в Японии. Тем не менее неоконфуцианство с его этическими нормами оказало большое влияние на становление личностной цивилизации в Японии. В силу этого сложились такие отличительные черты японской личности, как патернализм, преданность старшим, крепость семьи, культ этических норм, скромность, сдержанность, дисциплинированность и много другое. Тем самым личность не имела склонности к открытому индивидуализму, эгоцентризму и самовосхвалению.

ВЫВОДЫ О ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИИ

Благодаря описанным выше особенностям средневековая Япония сложилась как поразительный исторический феномен. Экономический базис, социум и институциональный горизонт надстройки здесь развивались по западноевропейскому варианту. Однако идеологический и культурный горизонты надстройки сформировались в основном по китайским стандартам: иероглифическая письменность, конфуцианство, буддизм, каноническая литература, этика. В итоге сложилось бинарное явление: «форма китайская — содержание японское», или «идеология и культура от восточной деспотии — базис, социум и государство — от западного феодализма». В средние века Китай и Япония формально являлись странами одной и той же, а именно дальневосточной конфуцианской цивилизации. Тем разительнее оказалось их расхождение по противоположным вариантам эволюции уже в Средневековье. Однотипным (правда, с рядом существенных оговорок) оказался лишь цивилизационный горизонт надстройки общества двух стран. При этом противоположными оказались не только институциональный горизонт, но и сам базис: экономика и социум. В то время как в Китае главенствовали подражание древности, традиция, конфуцианская этика и застой, в Японии происходили смена старого новым, укоренение частной собственности и поступательное движение от одной стадии феодализма к другой в русле линейного варианта развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В. *Китай и Япония: любовь и ненависть?* М.: ИВ РАН, 1995. — 234 с. [Katikova Z. D., Chudodeyev Y. V. *China and Japan: Love and Hate?* Moscow: IOS RAS, 1995. — 234 p. (in Russian)].

Лещенко Н. Ф. Из самураев в купцы: история торгового дома Коноикэ. *История и современность*. 2009. № 1. С. 45–55 [Leschenko N. F.

From Samurai to Merchant: The History of Konoike Trading House. *History and Modernity*. 2009. No. 1. Pp. 45–55 (in Russian)].

Лещенко Н. Ф. Путь Мицуи — от меча к купеческим счетам. *Япония. Ежегодник 1990*. 1992. С. 44–52. [Leschenko N. F. The Path of Mitsui: From the Sword to Merchant Accounts. *Japan Yearbook 1990*. 1992. Pp. 44–52 (in Russian)].

Лещенко Н. Ф. «Революция Мэйдзи» в работах японских историков-марксистов. М.: Наука, Глав. ред. восточной литературы, 1984. — 120 с. [Leschenko N. F. *The Meiji Revolution in the Works of Japanese Marxist Historians*. Moscow: Nauka, Glav. Red. Vostochnoy Literatury, 1984. — 120 p. (in Russian)].

Лещенко Н. Ф. *Япония в эпоху Токугава*. М.: Крафт+, 2010. — 347 с. [Leschenko N. F. *Japan in the Tokugawa Era*. Moscow: Kraft+, 2010. — 347 p. (in Russian)].

Маркс К. *Капитал*. Т. I. М.: Государственное издательство, 1930. — 672 с. [Marx K. *Das Kapital*. Vol. I. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930. — 672 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е., Иванов Н. А. *Типология азиатских обществ*. М.: Восточная литература, 2010. — 440 с. [Nepomnin O. E. *Typology of Asian Societies*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. — 440 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *История Китая. XX век*. М.: Крафт+, 2011. — 736 с. [Nepomnin O. E. *History of China. 20th century*. Moscow: Kraft+, 2011. — 736 p. (In Russian)].

Непомнин О. Е. *История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX века*. М.: Восточная литература, 2005. — 712 с. [Nepomnin O. E. *History of China. The Qing Dynasty. 17th – Early 20th Century*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. — 712 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. Китай в контексте мировой истории. *Восточный курьер*. 2019. № 1 – 2. С. 62–76 [Nepomnin O. E. China in the Context of World History. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. Pp. 62–76 (in Russian)].

Непомнин О. Е. *Социально-экономическая история Китая. 1894–1914*. М.: Наука, 1980. — 368 с. [Nepomnin O. E. *Socio-Economic History of China. 1894–1914*. Moscow: Nauka, 1980. — 368 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *Экономическая история Китая (1864–1894 гг.)*. М.: Наука, 1974. — 304 с. [Nepomnin O. E. *Economic History of China (1864–1894)*. Moscow: Nauka, 1974. — 304 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е., Позднеева Л. Д., Степугина Т. В. *Китайская культура. Древность, Средневековье, Новое и Новейшее время*. М.: ИВ РАН, 2019. — 532 с. [Nepomnin O. E., Pozdneeva L. D., Stepugina T. V. *Chinese Culture. Antiquity, Middle Ages, Modern and Contemporary Time*. Moscow: IOS RAS, 2019. — 532 p. (in Russian)].

Социальная структура Китая. XIX – первая половина XX в. Отв. ред. О. Е. Непомнин. М.: Наука, 1990. — 436 с. [The Social Structure of China. 19th– First Half of 20th Century. O. E. Nepomnin. (Ed.) Moscow: Nauka, 1990. — 436 p. (in Russian)].

Benedict R. *The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture*. Boston, New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2005. — 324 p.

Elman B. A. *A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China*. Berkeley: University of California Press, 2000. — 847 p.

Ho Ping-ti. *The Ladder of Success in Imperial China: Aspects of Social Mobility. 1368–1911*. New York: Columbia University Press, 1980. — 388 p.

MacNair H. F. *The Real Conflict between China and Japan: An Analysis of Opposing Ideologies*. Chicago: University of Chicago Press, 1938. — 216 p.

Needham J. *The Grand Titration: Science and Society in East and West*. London: Allen and Unwin, 1969. — 352 p.

Rozman G. *Urban Networks in Ch'ing China and Tokugawa Japan*. Princeton: Princeton University Press, 1973. — 355 p.

